

Алекс Рауз

ГРАНИ ПУСТОТЫ

**LIKE
BOOK**

Москва

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р25

Художественное оформление Анастасии Зининой

В оформлении переплета использованы иллюстрации *Дарьи Серафим*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Helen Dream / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Croisy / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Рауз, Алекс.

Р25 Грани пустоты / Алекс Рауз. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-197765-8

Три.

Кто помнит, когда небеса стали оранжевыми? Когда пустота поглотила реальность и не оставила ничего взамен? Когда ученик демиурга наконец проснулся и начал творить миры...

Два.

Он создал двоих — мужчину с волчьей статью и девушку, ради которой стоит умирать в каждой из вселенных. Ворс и Кая, оборотень и охотница, капитан космического корабля и детектив, простой путник и разбойница, любимый и любимая. Они должны были стать простым экспериментом, но бросили вызов своему творцу.

Один.

С каждым разом сохранять жизнь становится все труднее. Но ради любви ведь стоит бороться?

И побег от пустоты начнется.

Сейчас.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рауз А., текст, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

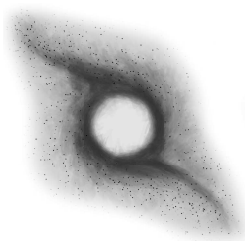
ISBN 978-5-04-197765-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Я посвящаю эту книгу своему любимому.
Спасибо за то, что верил в меня
даже в те темные времена,
когда силы нас покидали.
Ты мой космос, моя душа, мое сердце.*

*Однажды я пообещала тебе, что покажу край света.
Я писала эту книгу долгие десять лет, и
хочется верить, что у меня получилось.*

*Я знаю, что даже там мы сможем
найти друг друга...*

Пролог

Я застыл в миллиметрах на грани с прекрасным и оглянулся назад. Полыхающий оранжевыми красками закат сменился темным безмолвием. Прозрачная дымка опускалась на сверкающий город, предвещая безумную ночь. На часах грянула полночь, и я вдавил педаль в пол. Кая рядом крепко схватилась за подлокотник, рывок вжал ее в кресло и вызвал улыбку. Мы знали, бояться — для слабаков.

Ночные огни мелькали в такт громкой музыке, разрывая вновь рожденную Вселенную. Каждый шаг секундной стрелки давал передышку перед новой битвой.

Приключения? Если все вокруг идет нормально — значит, мы погибли. Новый город был живым в отличие от бесчисленного множества предыдущих. А теперь пора действовать и доказывать, что живы и мы!

— Справа. — Сегодня я хорошо угадывал.

Кая повернула голову, чтобы застать первую ракету, осветившую защитный купол над городом.

— К черту, пляшем.

Я дернул ручник, машина крутанулась и застыла у очередной светящейся вывески. Поправив безупречно сидящий серый пиджак, я выскользнул из машины, чтобы успеть распахнуть дверь для Каи. «Феррари» мы бросили незапертым у входа.

Внутри клуба музыка вводила в транс пару сотен людей. Не думать и двигаться, влиться в беспечный поток сознаний прочих путников — всего одна ночь или десяток минут, чтобы исполнить мимолетные желания.

Очередной снаряд разбился о купол, тряхнув пол, но никто не обратил внимания. Танец уносил и даровал временное забвение. Ритм подсказывал движения, и тело плыло на его волнах. Наравне со скоростью атмосфера расслабляла и сводила с ума.

— Бежать вечно? — Кая оскалилась в мрачной улыбке. — Ты предупреждал при знакомстве.

— Жить! — выдохнул я, чувствуя, как безумный блеск в моих глазах зажигает и ее.

Мы подхватили пару горящих коктейлей с подноса пробежавшего официанта и опрокинули, не чокаясь. Когда умираешь почти каждый день — выпить за упокой будет хорошей шуткой.

Голоса и алкоголь, музыка и долгожданное движение оставляли все значимое позади, вселяли безрассудную уверенность если не в завтрашнем рассвете, то, определенно, в настоящем мгновении. Именно то, чего нам всегда не хватает.

Рождение и медленное увядание — свобода живых людей. Их неосознанный выбор и недостижимое благо для творений безумного демиурга.

— Поехали? — предложил я. Кровь, бурлившая этой ночью, гнала вперед увидеть все, на что способен этот маленький островок развлечений и драйва. Наше время опять подходило к концу.

Кая, как обычно, готовая идти до конца этого мира и бесчисленного множества других, кивнула и подхватила мою руку.

Легко лавируя в скудном потоке встречных машин, я в считанные минуты донес нас до высочайшего небоскреба в городе, замеченного еще в прошлой гонке со смертью.

Стекло лифта плавно поднял восторженную Каю над обреченным городом, а я не мог наглядеться на нее. Когда мы ступили на тонкую кромку последнего этажа, я решил разрушить последние стены.

ГРАНИ ПУСТОТЫ

— Я умирал в десятках миров без тебя. Они были прекрасны, но я их не замечал. Бродил, как призрак себя настоящего, это не назвать жизнью. Я больше не хочу тебя забывать.

— Быть может, настало время проверить, чего мы стоим?

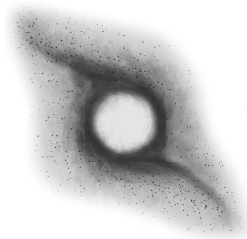
— Стоит лишь сильно захотеть? Перестать бежать и начать бороться...

Сияющий купол треснул, и последняя ракета опустилась на тлеющую оранжевыми огнями эстакаду вдали. Огромный ядерный гриб накрывал живой город, как в замедленной съемке. Секунды длились целую вечность, оттягивая неизбежное. Как всегда, я отчаянно хотел больше времени.

— Не отпускай мою руку, — прошептал я.

Непередаваемая красота гибели, неведанная ни одному живому существу, раскрыла передо мной объятия. Но я имел все шансы стать первым, кто сможет запомнить. Только если очень постараться...

Я застыл в миллиметрах на грани с прекрасным и оглянулся назад.

I.

Ночью шел снег. Огромные белые хлопья мягко оседали на пушистых хвойных ветвях и черепицах крыши брусчатого домика. И даже порывы ветра не смели тревожить тишину безмолвного леса.

Внутри ярко горел очаг. Оранжевые блики скользили по стеллажам небольшой библиотеки. Запахи старых страниц и книжной пыли въелись в сами стены.

За небольшим столом у окна хозяин усердно писал что-то в дневник. Одинокая свеча коптила и плакала воском, но он не обращал на нее внимания. Его руки била нервная дрожь, а взгляд поминутно обращался к засыпанному снегом окну. За ним сгущалась тьма, и ни единой живой души на многие мили вокруг.

Его звали Николай. Пару месяцев назад он выкупил этот заброшенный дом. Сроки сдачи кандидатской подходили к концу, и он радикально решил проблему с музыкой. Она любила уединение. Приходила по вечерам, невесомо присаживалась на краешек стола и улыбалась.

Но вот уже несколько дней Николаю было не до нее. С того момента, как в уголке глаза мелькнул темный силуэт, он потерял сон. Поутру следов на снегу не оставалось, а ночью он боялся открывать дверь. Все казалось иллюзией и играми уставшего от одиночества разума.

Но сегодня тень прошла совсем рядом и перестала быть миражом. Там, среди уснувших сосен, кто-то был. Темный балахон и длинные белые пряди... Паника накрыла его с головой.

Но Николай строчил и строчил в дневник, пытаясь побороть свои страхи. Он не хотел признавать, кого видел в этом образе, будто одно слово могло накликасть беду.

И все же написал... Смерть?

И ровно в тот миг, когда Николай поставил точку под вопросительным знаком, раздался стук в дверь.

Знакомство с Николаем

Хвататься за кочергу было уже поздно да и, пожалуй, бессмысленно. Смог бы он ударить человека? На подкашивающихся ногах Николай подошел к двери.

— Кто там? — Он хотел задать этот вопрос грозно, но из-за дрожащего голоса эффект получился довольно жалкий.

— Я потерялась в лесу. Пустите меня погреться, пожалуйста, — ответил уверенный женский голос.

«Чему быть, того не миновать», — мелькнула мысль, и он резко, не давая себе надежды и шансов на отступление, распахнул дверь. И застыл.

На пороге стояла ослепительно красивая женщина лет тридцати в сером пальто по колено и черных сапогах. Царственная осанка, слегка приподнятая голова, легкая улыбка на губах. Шапки не было, и черные густые волосы волной спадали на плечи. Никакого сходства с существом, бродившим вокруг дома по ночам.

— У вас такой напуганный вид, будто вы ожидали увидеть лешего, — все еще приветливо улыбаясь, произнесла она.

— Ох, простите. — Николай смущенно поправил очки, пропуская гостью в дом. — Я просто засиделся в глуши и отвык от людей.

— Да, понимаю. Я тоже не ожидала наткнуться здесь на дом, настраивалась гулять по лесу всю ночь.

— Тогда я спас вас и просто обязан напоить чаем! — радушно, но все еще довольно нервно Николай указал на стул и бросился к чайнику. По пути укорил себя за излишнюю эмоциональность — так и самому за маньяка сойти несложно. Но странная фраза соскочила с языка, будто потянул кто.

— Не откажусь. И спасибо, что впустили погреться... — Она вопросительно взглянула.

— Ох, точно, забыл представиться. Николай.

— Марта, очень приятно.

Пока закипал чайник, гостя устроилась в кресле у стола и изучающе посмотрела на хозяина. Николай нервно тербил свитер, пару раз снова потянулся к очкам, но не тронул. Все время хотелось что-то поправить.

— Так вы заблудились? — Он неловко попытался разбавить гнетущую тишину. Незнакомка казалась вполне милой и дружелюбной женщиной, но он все никак не мог избавиться от адреналина, попавшего в кровь при первом стуке в дверь. А от ее взгляда до сих пор прошибал холодный пот.

— Задумалась и ушла слишком далеко в лес. На самом деле я недавно поселилась в паре миль отсюда, в старом бабушкином доме, и еще не так хорошо знаю округу. А вы здесь давно?

— Скоро два месяца как. Сбежал от городской суеты, чтобы спокойно подумать.

— Так вы не ожидали натолкнуться на соседей. — Вопрос прозвучал как утверждение и ответа не требовал. — Это ваша библиотека?

— Да. Пожалуй, одно из немногих стоящих достижений за мою жизнь. — Он ухватился за ниточку беседы, но быстро осекся. Излишне хвалиться не хотелось, а что тут еще скажешь, если не спросили. Но многие издания были не просто редкими — единственными в своем роде.

— Люблю людей, стремящихся к знаниям. Один взгляд на ваши труды доставляет удовольствие. — Вроде она вос-

хищалась, но Николаю показалась легкая ирония в ее голосе. Возможно, просто показалась. Встретить ценителя и знатока в глухом лесу, шутка ли...

Чайник закипел, и хозяин с преувеличенным рвением бросился разливать заварку по чашкам.

— И что же вы читаете сейчас, Николай? — Вопрос прилетел в спину и почему-то застал врасплох. Уже несколько дней, как он отбросил всю научную литературу и читал художественную. Иными путями со страхами справиться не выходило.

— Э... — Он немного замялся, расставляя чашки на столе. Поискал на полках печенья или сладкого — сам уже не помнил, что прихватил с собой в этот дом. Да и полки выглядели незнакомо, будто он мгновенно забыл об их существовании, как въехал сюда. Не могло же их здесь не быть прежде!

Выпечки не нашлось, зато были целые две банки варенья, клубничного и мандаринового. Он радостно водрузил их на стол вместе с чаем, и Марта благодарно улыбнулась, выбрав апельсиновую.

— Я немного отвлекся от работы и читаю фантастику.

Момент стал еще более неловким. Обычно при фразе «фантастика» окружающие корчили снисходительные лица. Несерьезно, детство, говорили они. И Николай смущенно кивал в ответ, не готовый выплескивать наружу все то, что отзывалось в душе. Не желая вступать в дискуссию о том, что жанр совершенно неважен — хочешь ли ты копаться в глубинах человеческих душ или просто отвлечься от суеты и страхов. Лишь мастерство автора делало книгу живой и говорящей, и не имеет значения, о чем этот автор писал.

— Хороший выбор, — вдруг сказала Марта, и Николай робко улыбнулся. — Мне нравится, когда автор не ограничен в приемах, чтобы усилить конфликт и накалить эмоции, это позволяет героям стать живее, не правда ли?

Фантастика — чудесный инструмент, чтобы выковать человека.

Николай кивнул, неуверенный, что понял эту мысль. Выковать человека? Как на кузне?

— И что же у вас сейчас?

— Сборник рассказов автора Дэна Рида, — мгновенно откликнулся он, ища у кровати книгу в черной обложке. Но, как назло, она пропала, а название, крутившееся на языке, ускользнуло в последний момент. — На первый взгляд, между ними нет ничего общего, автора кидает из жанра в жанр, словно ради собственного удовольствия осветить ту или иную тему. Только увлечешься очередным миром, проникнешься героем, как он обрывается в пустоту, а незримая рука писателя опять меняет пластинку. Он будто пробует Вселенную на вкус, вертит ее со всех сторон, смакует, проверяет. Это как смотреть в калейдоскоп... Кататься на американских горках — вот я на Диком Западе пью с блюзменом, а в следующее мгновение дорога резко идет вверх, и я уже взрываю в космос в поисках новых истин. Но, кажется, начинаю улавливать смысл — это странное повествование затащило меня. Чувствую себя кладоискателем, пытающимся удержать тонкую золотую нить, которой связано все в этой необычной книге. А в ней точно спрятано гораздо большее, чем кажется на первый взгляд, понимаете? Калейдоскоп вертится не просто так, и я обязательно должен докопаться! Найти свой клад, который автор мне пообещал.

— Или угадать? Ведь можно угадать, не дойдя до конца.

— Я пытался, но... — Где же эта книга? Ведь была под рукой все дни, манила обложкой с первого дня, как он приехал сюда. И ни разу не терялась! Николай рассеянно водил взглядом по небольшому пространству, которое теперь звал своим домом. Он сам не знал — хотел ли заглянуть в финал, или просто показать ее гостю.

Но книга как провалилась. Возможно, что не все истории готовы открываться без спросу? И свой долгожданный клад в финале он найдет, только если пройдет весь путь целиком.

— А иногда дорога к кладу и есть самое важное, что мы можем получить. Спасибо, я обязательно ее поищу. — Марта отодвинула варенье и перевела взгляд на центр стола, где были в беспорядке разбросаны исписанные листы. — Вы сам писатель? Вы так вдохновенно говорите о книгах, словно они и есть ваша жизнь.

Словно они ваша жизнь... Да, Николай мог бы с этим согласиться. Здесь, в глуши, с ним не осталось больше никого, но одиночество не ощущалось чем-то плохим и неестественным.

— Ну что вы, — он улыбнулся и кивнул на кипу бумаги, — я аспирант. Это моя диссертация, именно ради нее я и приехал сюда.

«Заниматься серьезной научной работой, а не рассуждать о книжках», — хотел добавить он, но почему-то не стал.

— Хм, — заинтересованно промычала Марта и вытянула из-под самого низа кипы листов титульный. — «Ментальный аспект формирования субъективной реальности»?

— Ну, — он заметно смутился, — это пока черновое название. Оно звучит все же лучше, чем изначальное «Что-то там про любовь».

Николай хмыкнул, ожидая смеха собеседницы. В конце концов, это была его первая шутка за пару месяцев. Вроде не такая плоская.

Но лицо Марты осталось вежливо-заинтересованным, будто он не сказал ничего необычного. Она ждала ответа.

— Если говорить простыми словами — есть теория, что мысли формируют реальность. — Он начал бодро и уверенно, но к концу фразы стушевался и почти перешел на шепот. — Звучит как пафосная фраза для мотива-